

СОЦИОЛОГИЯ ПОЗДНЕГО СТАЛИНИЗМА

РОМАНОВСКИЙ Николай Валентинович - доктор исторических наук.

К проблеме сталинизма применимы различные подходы и в их числе - социологический, использующий наработки политической социологии, социологии управления и др. В отечественной исторической литературе последних лет доминирует специализированный подход, который, как правило, обходит стороной возможность сотрудничества с социологией.

Между тем, открытие с недавнего времени многих архивных фондов¹ дает видение сталинизма как, в частности, определенной системы, которая в чем-то пережила Сталина: институты, структуры власти, государства, общества, атмосфера в среде властных групп, привычки, навыки управления, подходы к проблемам, людям, к обществу, к тому миру, в котором существовал СССР после Сталина и т.п. Все это не могло исчезнуть в марте 1953 г. или в 1956 г. Но определить, что и как сохранилось, можно лишь предварительно описав генезис, структуры и механизмы сталинской системы².

Все это предполагает социологический анализ комплекса факторов (как известных из официальных стандартных текстов, описывавших послевоенный период с акцентом на восстановлении хозяйства, так и скрывавшихся доньше в архивах), формировавших сталинизм как систему власти и управления (термин "система" ниже понимается как система власти и управления). Конечно, в рамках статьи ряд граней проблемы (внешние факторы, социальный и социально-психологический облик советского общества, интеракция центра и мест и др.) можно лишь уточнить.

В довоенное время Сталину удалось в основных чертах создать систему властвования и управления страной, осуществив "революцию сверху", включающую в себя уничтожение всех потенциальных и вероятных соперников, форсированную индустриализацию (прежде всего создание военной промышленности), насильственную коллективизацию с огромными потерями людей и материальных ценностей, идеологическое нивелирование, патриотизм на смену интернационализму, необходимое повышение уровня образования части населения и др.³ Исключительное, центральное место в этой системе занял Сталин и как ее создатель, и как монопольный источник принятия решений, как единственный обладатель полной информации о строении и функционировании системы⁴. Можно говорить о сталиноцентрии как о качестве системы: не только все освящалось его именем, но и все делалось от его имени. Уместен в этой связи вопрос: принимались ли "при Сталине" решения высшего и среднего уровня, которые формулировались без него.

Сталин до войны не идеализировал свое творение, искал новые "ключи" к усложнявшейся структуре управления государством, хозяйством. Поиски, приостановленные войной, шли и после: создание Совета по делам колхозов при правительствах страны и республик, попытка сформировать региональные органы управления, структуры управления научно-техническим прогрессом и др.⁵ Но проводились они вяло. Проверенная войной система представлялась законченной, не требующей кардинальных переделок. Следует помнить о наличии довольно жестких идеологических, доктринальных параметров функционирования системы, ее взаимодействия с окружающей средой: советским обществом и зарубежьем.

Официальным взглядом на СССР как на общество победившего социализма, а с 1939 г. и после войны - общество, переходящее к строительству коммунизма, диктовались установки в социальной (социалистические классы и структура общества), национальной (социалистические нации), трудовой (принципы оплаты труда, степень достигнутого благосостояния) политике, в идеологии (морально-политическое единство советского народа, дружба народов СССР) и т.п. Подобного рода концептуализация реальной среды, в которой оперировала система, вела к тупиковым ситуациям. Делались заявления, не отвечавшие действительности, но диктовавшиеся логикой заверений о движении к коммунизму: первенство СССР в науке, решение зерновой проблемы⁶ и др. Создавалась основа для

наказаний за очевидные отклонения от предписаний и формул. Возникла напряженность в сознании и еще больше - в повседневной жизни.

Советы, якобы основа политической системы, не играли заявленной роли: практически все другие политические акторы были значимы. Типичен документ, направленный в московский ЦК в апреле 1951 г.: "в связи с сессией Верховного Совета, центральный комитет Карело-Финской КФ(б) просит разрешения произвести следующие изменения среди руководящих работников советских органов республики"⁷. Другой документ: жалоба премьер-министра России Маленкову, что в ЦК привыкли менять советских руководителей республики, не консультируясь с ее правительством⁸. Разрыв между формулами и практикой существовал и в сфере экономики, пример чему - степень ее плановости и т.п.

В отношении внешней среды разрыв между реалиями и их концептуализацией также очевиден. Отношение к окружающему миру символизировалось образом осажденной крепости (термин Сталина), у ворот которой стоял враг. Повышение бдительности к его проискам, к шпионам и тому подобные утверждения муссировались постоянно⁹. Угроза третьей мировой войны подпитывалась памятью недавней войны и поддерживалась пропагандой, мобилизуя, оправдывая (наряду с последствиями войны) трудности и лишения послевоенного времени. Население было практически полностью изолировано от влияния внешнего мира: личных, информационных и всех иных. Страна оказалась предрасположенной к "холодной войне" с бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции.

Важен вопрос о целеполагании, о ценностях, которые при создании системы двигали Сталиным. Представляется, что решающим здесь были величие страны, ее мощь и формационное лидерство в мире (коммунизм как судьба человечества). Под эту цель создавалась система, подгонялись друг к другу ее части, отлаживалось функционирование. Сталин хотел сделать страну мощной в промышленном, военно-промышленном и военном отношениях. Характерно, что одним из уроков войны для него явилась важность науки: перед страной в предвыборной речи 9 февраля 1946 г. он поставил задачу "не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны"¹⁰.

Поскольку набор напряженных задач требовал значительных средств, сталинская система властвования настраивалась прежде всего на мобилизацию требуемых материальных, финансовых и человеческих ресурсов. В этом смысле уместен не термин "командно-административная система", а "мобилизационная система". Во всяком случае, организационные, экономические, идеологические, кадровые и прочие действия сталинского режима (в до- и в послевоенное время) лучше всего вписываются в логику мобилизации. Мобилизовывалось все, что содействовало наращиванию мощи страны, как это понимал архитектор системы.

Победа в Великой Отечественной войне подняла способность системы к предельной мобилизации ресурсов на еще более высокий уровень. Изымать научились по максимуму людей, технику, деньги, продовольствие, энергоресурсы и т.д. Опыт военного времени был в послевоенное время широко использован: восстановление промышленности, преодоление последствий засухи 1946 г. и огромных человеческих потерь, создание новых видов вооружений, идеологическая политика, сталинские стройки коммунизма, план преобразования природы и т.д. - везде создавалась обстановка отмобилизованности на достижение результатов любой ценой. И подобный образ действий вел нередко к желаемым целям.

Система такого рода не могла работать без масштабного принуждения. На первом месте здесь были карательные органы, ГУЛАГовские практика и учреждения. Репрессии - вот о чем думали правители и чего боялись подданные, когда речь шла о социальном контроле в сталинское время. Заметим, что через ГУЛАГ решалась и задача минимизации расходов там, где при иных условиях потребовались бы значительные материальные стимулы, дополнительное обеспечение. И еще, после войны Сталин проводил репрессии, не прибегая к показательным процессам: вероятный противник из такого рода "шоу", как в 1936-1948 гг., сделал бы вывод о слабости, нестабильности режима перед лицом внешней угрозы.

Жизнь вне ГУЛАГа жестко регламентировалась. Вездесущ был контроль органов госбезопасности и партии за поведением, словом, мыслью. Они были обязаны информировать руководство страны обо всем, что считалось системно важным: ключевые экономические проблемы, факты сопротивления, неповиновения режиму. Атмосфера страха использовалась для решения хозяйственных, технико-технологических проблем. Так, 17 декабря 1948 г. "Правда" поместила сообщение Генпрокуратуры СССР о приговоре (пять-семь лет) семерым работникам за выпуск некачественной продукции. После засухи

1946/47 г. широко практиковались аресты и отдача под суд председателей колхозов, не обеспечивавших сдачу государству положенной сельхозпродукции¹¹.

Низкое состояние правопорядка было связано лишь в известной степени с разрухой и одичанием. После войны делались шаги к укреплению законности в повседневной жизни граждан вне ГУЛАГа. Но все же беззаконие было системно необходимым. Так, в Молдавии за одно полугодие было совершено четыре тысячи "нарушений революционной законности". В Азербайджане потребовалось "очистить ряды судебных и прокурорских работников" от преступных элементов. В Смоленской области свыше половины приговоров народных судов были отменены судами высших инстанций. В Татарии в 1949 - начале 1950 г. получили огласку факты "грубого нарушения советской репрессивной политики", совершенные работниками МВД, прокуратур и верховного суда республики, а также фальсификации уголовных дел против несправедливо обвинявшихся граждан. Из Приемной Президиума Верховного Совета СССР отправляли в психбольницу особо назойливых просителей¹², многие из которых ходатайствовали о помиловании родных и близких. Такая повседневность помогала дисциплинировать и контролировать.

Интенсивность страха иллюстрирует случай - в духе рассказов Чехова, произошедший на партийной конференции одного из союзных министерств. Конференция шла к концу. Секретарь партийного комитета готовился ответить в заключительном слове на критические замечания и воздать должное великому Сталину. Но подвело сходство фамилий: одно из критических замечаний касалось похорон товарища Старостина. Оговорка (Сталин в контексте похорон) вылилась в покаянное письмо секретарю ЦК П.К. Пономаренко; из письма виден ужас, в который был повергнут неосторожный секретарь¹³.

Активно действовало в этом русле Министерство государственного контроля (МГК), которым руководил один из самых преданных Сталину людей Л.З. Мехлис. В его верности Сталин, кажется, не сомневался даже в разгар борьбы с космополитизмом. МГК нацеливалось на сферы, которые приобретали системно важные роли: транспорт, сбор урожая, сохранность важнейших сырьевых ресурсов и т.д. Об отношении к МГК говорит то, что в министерстве обороны, не без гордости отмечал Мехлис, его людей боялись¹⁴. Контроль осуществлялся также информирующими и контрольными подразделениями ведомств, органами массовой информации. С контрольными целями после войны были сформированы Совет по делам колхозов при правительстве страны, управление по контролю за ожидавшейся урожайностью, Государственная штатная комиссия при правительстве СССР (ею руководил тот же Мехлис), утверждавшая включение новых единиц в штатные расписания госучреждений всех уровней и персональную зарплату каждого.

Звеном контроля была работа с кадрами. В министерствах и центральных ведомствах за нее обычно отвечал один из заместителей руководителя, как правило офицер госбезопасности. Кадровики выявляли и отсеивали людей, считавшихся ненадежными, взаимодействовали с органами госбезопасности, выбирали молодых специалистов из выпускников учебных заведений, продвигали результативных и надежных работников и т.д. Характерным для этой работы был эпизод, отраженный в документе: "Лично товарищу Пегову Н.М. Надо срочно проверить это дело и в зависимости от его результатов принять меры. Г. Маленков. 30.12. 52". Речь шла о работнике СЭВ К., о котором сообщалось, что он является "случайным человеком", прославляющим врагов народа Вознесенского, Сланского, Бенеша, оскорбляющим советский народ и ведущим разговоры с иностранными вредителями¹⁵. (Поясним: Пегов был начальником управления кадров ЦК КПСС, Вознесенский - унитоженный Сталиным зампредсовмина и председатель Госплана СССР, Р. Сланский - репрессированный лидер компартии Чехословакии, а Э. Бенеш - президент довоенной Чехословакии.)

Для системно важных "кадров" создавались дополнительные стимулы, незначительные по нынешним стандартам, но ощутимые в условиях, когда нормой бытия оказывалось удовлетворение первичных потребностей. В центральных учреждениях, ведомствах действовали системы снабжения рабочих и отдельно - инженерно-технических работников. Руководящие работники имели особые привилегии: ощутимую материальную помощь (часто в размере месячной зарплаты), деньги на лечение и др. Самые важные ведомства имели особые привилегии, о чем свидетельствует документ, возникший в связи с финансовой реформой конца 1947 г.: МГБ и МВД просили сохранить несколько сот производственных и промтоварных магазинов для сотрудников в столице и по стране¹⁶.

После войны Сталин поднял требования к уровню образования руководящих кадров. В постановлении ЦК ВКП(б) по кинофильму "Большая жизнь" (4 сентября 1946 г.), представ-

ляющему собой запись слов Сталина, неоднократно повторяется: отсталым, некультурным, технически малограмотным людям с низкими моральными качествами нет места на руководящей работе¹⁷. Была развернута сеть партийных школ, где, в частности, отсеивали непригодных работников. Среднее, а затем и высшее образование становилось пропуском "наверх". Правда, реализовывался этот импульс трудно.

Для подавляющего большинства населения государственные "оклад" или "жалование" не имели реальной связи с затратами трудовых усилий. Массовый характер имели зарплаты в 250-300 руб. в месяц при стоимости, скажем, кружки пива в 23 руб. 80 коп. Но основные продукты питания (хлеб, крупы, молоко, картофель) были относительно дешевы, квартплата, транспорт и коммунальные расходы - минимальны. Проводились снижения цен, однако ежегодные подписки на займы фактически отбирали половину месячной зарплаты (а то и целиком). Жили бедно. Товарооборот рос за счет предметов первой необходимости. Так, в сравнительно благополучной Литве, как докладывалось республиканскому съезду партии в 1952 г., товарооборот за год вырос на 34%, больше всего за счет продажи населению мыла, тканей, резиновой обуви и т.п.¹⁸.

Закрепленные рамки поведения людей подкреплялись идеологическими предписаниями. Послевоенные акции Сталина в сфере идеологии известны. Меньше осознано обстоятельство, что эти шаги были системно необходимы. Некоторые факторы роста, действовавшие до войны (например, наличие массовой дешевой рабочей силы), были утрачены. Предстояло нейтрализовать последствия знакомства массы советских граждан (военных, пленных, перемещенных лиц) с зарубежьем, заметно отличавшимся в лучшую сторону. Требовалось преодолеть психические, моральные последствия почти четырех лет крови, массовых потерь, жестокостей.

Реализация этих задач пошла по ряду направлений. Насаждалась стандартизованная модель индивидуального поведения, ценности, желаемый образ мыслей советского человека: трудолюбие, оптимизм, готовность откликнуться на призыв партии (комсомола, профсоюза), героизм, хотя сама жизнь в тягчайших с нынешней точки зрения условиях требовала повседневного героизма.

Сталин, до войны оценивший силу патриотизма, в ходе ее упрочился в этом мнении и сделал на него ставку в послевоенном восстановлении. Характерен эпизод (в передаче литератора В. Кирпотина) на встрече Сталина с группой писателей летом 1947 г. Один из участников убеждал, что усилия писателей должны быть подчинены мобилизации советских людей на героический труд, и попросил Сталина поддержать его, но тот "подумал и ответил: нет, я не согласен. Главная тема советской литературы другая: гордость советского социалистического человека, советский патриотизм, чувство превосходства над растленной культурой Запада"¹⁹.

Установки Сталина оказались эффективными, тем более, что часть переживших войну действительно восприняла преодоление причиненных ею разрушений как личное дело. Вместе с тем ставка на патриотизм не была однозначной по последствиям, поскольку сопровождалась акцентами на русском первенстве²⁰, антисемитизмом, серией кампаний против буржуазных национализмов в союзных и автономных республиках. Удары наносились по созданным здесь университетам, академиям наук, творческим союзам, средствам массовой информации. Национальная интеллигенция надолго запомнила эти годы.

Соотношение ключевых структур сталинской системы и место их руководителей в окружении вождя в условиях его абсолютного господства предполагает взвешивание субъективных свидетельств. Перемены происходили. Военные (примеры - судьба Г.К. Жукова, Н.Г. Кузнецова, "дела" артиллеристов, летчиков, Молотов) после войны отходили на задний план. Вторым лицом какое-то время был Жданов, но еще при жизни (умер летом 1948 г.) он это положение уступал Г.М. Маленкову, к концу жизни Сталина пользовавшемуся его "полным доверием"²¹. Правдоподобен тезис, что Л.П. Берия в 51-52 г. чувствовал себя неуютно.

Вопрос о степени влияния тех или иных опорных конструкций системы, групп интересов важен. Не оставаясь стабильными, они все же меньше были подвержены субъективным перестановкам. На первых ролях стояли партия и госбезопасность (МГБ и МВД), причем соотношение могло меняться. Далее шли армия и ключевые правительственные ведомства: Президиум Совмина, Госплан, военно-промышленный комплекс (тогда еще - его прототип). Как показали события после Сталина, борьба за власть развернулась между этими ведомствами, возглавлявшими их группами.

Сталин начал перемены в положении структур и личностей в соответствии с собственной методологией: «Литература (разговор, во время которого были сказаны приво-

димые слова, шел о сценарии кинофильма "Закон жизни" - Н.Р.), партия, армия - все это организмы, у которых некоторые клетки надо обновлять, не дожидаясь того, пока отомрут старые. Если мы будем ждать, пока старые отомрут, и только тогда будем обновлять, мы пропадем, уверяю вас»²². И Сталин начал обновлять "организмы" власти в 1952 г.: новые лица из второго эшелона были избраны на XIX съезде (известно, что работников этого уровня Сталин подбирал лично) в президиум, секретариат ЦК партии. Кто сейчас помнит членов Президиума ЦК КПСС (с октября 1952 по март 1953 г.) В.М. Андрианов, А.Б. Аристов, С.Д. Игнатъева, Д.С. Коротченко, В.В. Кузнецова, В.А. Малышева, Л.Г. Мельникова, Н.А. Михайлова, М.Г. Первухина, П.К. Пономаренко, М.З. Сабурова, Д.И. Чеснокова, кандидатов в члены Президиума А.Г. Зверева, Н.Г. Игнатов. И.Г. Кабанова, Н.С. Патолочева, Н.М. Пегова, А.М. Пузанова, И. А. Тевосяна, П.Ф. Юдина и т.д.? Ведь и на них, не только на Маленкова, Хрущева, Берия, Булганина, Ворошилова, Кагановича, и тем более не на Молотова и Микояна (их он подверг разностной критике на пленуме ЦК после XIX съезда), смотрел тогда Сталин как на первых руководителей страны, как на лиц, которым можно доверять. 5 марта 1953 г. всех - и прежних и новых - вернули на места: ветеранов - наверх, новичков - вниз.

Система такого рода не могла не наталкиваться на разные виды сопротивления - в смысле всеобщего сопромата. Его было гораздо больше, чем вооруженной борьбы, хотя и та имела место в недавно вошедших в СССР регионах. Репрессии против победителей-военных, немилость к тем, кто объективно были национальными героями, переписывание истории только что окончившейся войны в угоду возвеличиванию полководческого гения вождя (нужно было отодвинуть на задний план в массовом сознании деяния, способствовавшие катастрофам первых месяцев Отечественной войны) свидетельствуют, в частности, о нежелательных для Сталина настроениях в массовой, активной группе ветеранов войны. В первые месяцы после окончания военных действий "элементы антисоциалистической, буржуазной идеологии" пытались вынести на обсуждение планы масштабных изменений в системе хозяйства: введение акционерных обществ, отмена госпоставок, свободные цены, фактическая ликвидация колхозов и т.д.²³. Постоянно возникала проблема "частника", стремившегося удовлетворять потребности населения в услугах, в товарах повседневного пользования²⁴.

Сопротивлялась человеческая натура. "Религиозные пережитки" были постоянным источником беспокойства для режима, особенно в регионах мусульманского исповедания. Беспокойство вызывала социализация молодежи, влияние на нее зарубежной моды, кино, музыки²⁵, стиля поведения. За фасадом "дружбы народов" таились конфликты местных уклада жизни, обычаев с советскими нормами, с приезжими из других регионов. Проблема эффективного, производительного труда оставалась сложной и трудноразрешимой в городе²⁶ и в деревне. За образованными группами советских людей приходилось специально приглядывать, навязывать им стандарты поведения, что далеко не всегда удавалось.

Секретные донесения, которые хранятся в партийных архивах, говорят о распристранности не- или антисистемных взглядов и настроений и среди членов партии. Так, женщина-работница из Ленинграда, член партии, говорила: "Сейчас стала не жизнь, а одно мучение. Я в партии не первый год и вижу, что мы живем не по-ленински. Одни живут, как душа желает, одеваются в шелка, а другие работают как волы и голодают". Еще одно мнение: "...Там, где нет нашего правительства, где нет колхозов, - люди живут полной чашей, там всего много и все дешево. Где появляется советская власть, колхозы, там все пропадает, делается дорогим, как в Латвии, Литве, Эстонии"²⁷.

Посвященные, люди из руководящей верхушки многие дефекты системы знали из практики. Сельские райкомы, обкомы, ЦК фактически руководили предприятиями аграрного комплекса, подпирали сталинское сельское хозяйство. В промышленности дело обстояло несколько иначе: здесь узкие места расширялись на уровне ЦК. Запущенным оказывалось часто все, что касалось жизни людей: жилищное строительство, транспорт, коммунальные услуги, производство потребительских товаров, здравоохранение и т.п. Но знание это было скорее фрагментарным. В документах А.А. Жданова разбросаны свидетельства того, что он знал о слабой восприимчивости промышленности к нововведениям, о проблемах в кооперации, взаимных поставках предприятий, о неразумности превращения партийных органов в подпорку хозяйства²⁸. Он не раз говорил о нерациональных закупочных ценах в сельском хозяйстве: реалистичные цены здесь, по его словам, - "ключевой вопрос экономики". В.А. Малышев после смерти Сталина резко негативно оценил состояние советской экономики²⁹. Не мог не знать о положении в экономике, в частности, руководитель Госплана страны Н.А. Вознесенский. Не поддалась

решению задача, поставленная Сталиным, сделать советскую науку первой в мире. И элите того времени это было очевидно. Но система в целом, мировоззренческие ориентиры под вопрос в этой группе не ставились.

Можно предположить, что Сталин понимал несовершенство системы (и хозяйства, и властвования) в стране и намеревался что-то менять. Во всяком случае, лишь у него была вся информация на этот счет, лишь он знал историю создания системы и заплаченную цену. Методологически показательно, что он не раз демонстрировал способность приспосабливаться к реальностям. Небезосновательны в этой связи предположения о том, что к 1953 г. у Сталина складывались планы перемен. Мы видели, что они начались в кадровой сфере. Как развивались бы события, остается только предполагать. По поводу того, как далеко мог пойти Сталин, напомним (с методологической, не предметной стороны) его слова (лето 1947 г., разговор с писателем В. Некрасовым) о возврате к монархии³⁰. Возможно, проживи он еще год-два, и мог начаться поворот, сходный по размаху (не обязательно - по направленности) с НЭПом. Но в 1953 г. Сталину не было отведено времени. И вопрос не в том, что могло произойти с его системой. Вопрос в том, что с ней произошло.

Култ личности Сталина был осужден. Ведущие соучастники строительства сталинской системы после 1957 г. отстранены от власти. Их места заняли другие, но тоже из числа тех, кого Сталин подобрал и воспитал для обеспечения функциональности своей системы. Репрессии после 1956 г. пошли на убыль, и элита могла больше не бояться за жизнь. Невняные при жизни Сталина расстановка сил вокруг трона, степень влиятельности сложившихся "лобби" и представлявших их фигур приняли более определенные контуры. Обнаружились конфликты личностей в руководстве (например, Хрущев - Маленков, Жуков - Серов) и между опорными ведомствами (КГБ - вооруженные силы), стремящихся к ключевым ролям и к распределению вечно дефицитных ресурсов. Преследования, угрозы и другие формы давления, при Сталине придававшие системе известный динамизм, сохранились, но далеко не в прежнем объеме.

Критика, анализ феномена сталинизма были остановлены, возможно не без оснований, поскольку и много позже эта проблема оставалась "динамитом". После 1964 г. сталинизм перестал существовать для руководства страны. Продолжали будоражить общественность лишь Твардовский, Солженицын, Гелфтер, Трифонов, Некрич и др. Их привели к молчанию, но вопрос не был исчерпан. К 1985 г. Т. Абуладзе снял ленту "Покаяние", и ее выход на экран актуализировал проблему. В октябрьском 1987 г. докладе Горбачева после десятилетий молчания сталинизм вновь предстал проблемой политики. Одновременно - и здесь мы видим причинную связь - Горбачев обнаружил, что у него фактически нет инструмента для проведения перестройки: партия отказывалась повиноваться, к масштабному насилию прибегать казалось невозможным.

Ограниченная информированность власть имущих и закрытость архивов не позволили властям прояснить даже для себя историю "болезни" советского общества, выявить группы интересов и механизмы, способные на перемены или отвергающие их. Отсюда слова Ю.В. Андропова: мы не знаем общества, в котором живем. Против перемен в первую очередь восстали силы, связанные с жизненными интересами сохранения действовавших структур власти и управления. Взбунтовались институты сталинской по своей сути системы, давно переставшие сознавать себя таковыми. Состав ГКЧП - это перечень опорных столпов сталинской системы: партийный аппарат, военные, госбезопасность и МВД, военно-промышленный комплекс, ключевые ведомства правительства и др. Они десятилетиями мутировали, в базовых качествах оставшись прежними. Решило исход дела то, что к лету 1991 г. (после Берлина, Будапешта, Новочеркасска, Праги, Афганистана, Польши, Алма-Аты, Тбилиси, Вильнюса, Баку и т.д.) способность верхушки заставить силовые ведомства повиноваться приказам о массовом насилии была основательно размыта. Время сделало свое дело. Система позднего сталинизма, державшаяся в конечном счете на насилии, исчерпала себя.

Концептуализация сталинизма и его роли в истории, на мой взгляд, еще предстоит. Ограничимся некоторыми, может быть, небесспорными выводами.

1. Сталинская система власти и управления страной - уникальный пример целенаправленно созданного проекта, в котором по единой логике выстроены компоненты, ценности, стимулы и т.п., пример социальной структурно-функциональной инженерии на теле целой страны. В социологии управления это, возможно, хрестоматийный образец.

2. Достижения системы были реальны и внушительны для своего времени: индустриализация, подъем образования, победа в войне, быстрое восстановление, огромный рост престижа в мире символов, связанных со страной. Величие и мощь страны, сравнимые с

Россией 1815 г., были обеспечены мобилизационными качествами системы. Но ее фундамент был непрочен и с самого начала недолговечен (что тщательно скрывалось). Со времени создания она нуждалась в переделках. Нацеленная на индустриальный, технический прогресс, система не могла, не меняясь в корне, ассимилировать результаты научной, технической мысли (условием и следствием чего была свобода человека). Сталин роль науки понял, но (как и его наследники) не изменил систему.

3. Сталинизм на фоне проведенного на западе анализа фашизма в Италии и национал-социализма в Германии обнаруживает их существенную разницу по многим ключевым параметрам. Встает вопрос, как представляется, о расширительности трактовки истории советских десятилетий с позиций доктрины тоталитаризма.

4. Еще вопрос: какая система перестала существовать в 1991-1993 г.? Он относится к более общей проблеме - поиску точки отсчета движения к провозглашенным Конституцией Российской Федерации параметрам общественного устройства (демократическое, правовое, социальное, федеративное, светское). В какой мере нынешний социум остается постсталинистским? В любом случае, сталинистская составляющая текущих событий нуждается в анализе в терминах политической социологии.

5. Конституция Российской Федерации декларировала ряд ценностей, которые далеко еще не вошли в практику. Подобный разрыв между реальностью и провозглашаемыми целями был и при Сталине. Тогда игнорирование необходимости "строительства моста" между словом и делом сыграло роковую роль.

6. Влияние сталинизма в наше время не лишено оснований. Патриотизм, величие страны, державность - сильные аргументы, если не помнить цены и конечного результата завоеваний и достижений, добытых в то время. Вероятно, не следует исключать того, что будущие поколения россиян будут смотреть на это время так, как наши современники видят царствование Петра Великого - по роману А. Толстого "Петр Первый" (написанного по социальному заказу сталинского времени), то есть забудут о заплаченной российскими мужиками и бабами цене за петровскую модернизацию (вестернизацию). Но, может быть, в памяти народа Сталин окажется ближе к Ивану Грозному, возвеличить которого даже с помощью С. Эйзенштейна Сталин не смог. Правда, понимание такого рода вероятности - предпосылка иного восприятия истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Изучены документы оргбюро, секретариата, ряда политически-ключевых управлений ЦК партии и другие документы, хранящиеся ныне в Российском центре хранения и использования документов новейшей истории (ниже - РЦХИДНИ), а также - центральная и республиканская печать того времени, публикации и диссертации по рассмотренному периоду.

² Частично этот подход реализован в книге автора "Лики сталинизма" (М.: РАГС, 1995).

³ *Tucker R. Stalin in power, the revolution from above.* New York-London., 1992.

⁴ Бывший в то время министром финансов А. Зверев вспоминал позднее гнев Сталина по поводу положения (впоследствии принятого), которое попало в документ без предварительного согласия Сталина (Зверев А.Г. Записки министра. М., 1973. С. 234).

⁵ Предлагалось создать сеть бюро ЦК по Дальнему Востоку, Сибири, Средней Азии, Закавказью и т.д. (РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 121. Ед. хр. 636. Л. 1-2, 7-8).

⁶ *Г. Маленков.* Отчетный доклад XIX съезду партии. М., 1952. С. 77: "зерновая проблема, считавшаяся ранее наиболее острой и серьезной проблемой, решена с успехом, решена окончательно и бесповоротно".

⁷ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 131. Ед.хр. 229. Л. 1.

⁸ Там же, ед. хр. 42. Л. 229.

⁹ Между тем на Пленуме ЦК по делу Берия отмечалось: "В управлении МВД Ленинградской области мы имеем дорогостоящий, тысячный аппарат, но ни одного американского или английского разведчика этот аппарат не раскрыл" (Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 173).

¹⁰ *Сталин И.В.* Речь на предвыборном собрании избирателей 9 февраля 1946. М., 1946. С. 14.

¹¹ Об этом свидетельствует неопубликованное постановление ЦК "О недопустимых фактах частого отзыва и необоснованной отдачи под суд председателей колхозов" от 17 июля 1947. - Упомянуто в: РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 122. Ед.хр. 290. Л. 95.

¹² РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 121. Ед.хр. 640. Л. 34 (Молдавия); Бакинский рабочий. 26 сентября 1952. С. 2; РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 88. Ед.хр. 952. Л. 14 (Смоленская обл.); Там же. Оп. 131. Ед.хр. 155. Л. 26 (Татария); Там же. Ед.хр. 314. Лл. 44-45 (Президиум Верховного Совета СССР).

¹³ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 131. Ед.хр. 114. Л. 289.

- 14 РЦХИДНИ. Ф. 386. Оп. 1. Ед.хр. 70. Л. 18.
- 15 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 131. Ед.хр. 314. Л. 115.
- 16 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 121. Ед. хр. 584. Л. 139.
- 17 См.: О партийной и советской печати. Сб. документов. М., 1954. С. 574.
- 18 Советская Литва. 1952. 30 сент. С. 2.
- 19 РЦХИДНИ. Ф. 606. Оп. 1. Ед.хр. 277. Л. 73.
- 20 Частично это стало следствием высказанной Сталиным оценки русского народа как наиболее выдающейся нации из всех наций, входящих в состав Советского Союза (Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М, 1947. С. 196).
- 21 Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 183.
- 22 РЦХИДНИ. Ф. 77. Оп. 1. Ед.хр. 907. Л. 76.
- 23 РЦХИДНИ. Ф. 71. Оп. 1. Ед.хр. 69. Л. 24.
- 24 См. записку Л. Мехлиса Сталину и Жданову (1948 г.) "О крупных извращениях в отношении частника, допущенных министерством финансов СССР" и соответствующее постановление правительства СССР "О проникновении частника в кооперацию и предприятия местной промышленности" (РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 121. Ед.хр. 584. Л. 73; Оп. 131. Ед. хр. 27. Л. 9).
- 25 "... в клубах ревуг джазы", - отмечалось на совещании секретарей партийных организаций Иркутской области в мае 1948 г. (РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 131. Ед.хр. 25. Л. 64).
- 26 Показательна в этой связи растерянность, с какой администрация предприятийотреагировала на принятый 14 мая 1951 г. Указ Президиума Верховного Совета СССР о замене судебной ответственности рабочих и служащих за прогулы и опоздания на работу мерами дисциплинарного и общественного воздействия (РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 131. Ед.хр. 326. Л. 16).
- 27 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 122. Ед.хр. 289. Л. 80.
- 28 Там же. Ф. 77. Оп. 1. Ед.хр. 725. Л. 27; Ед.хр. 913. Л. 46; Ед.хр. 692. Лл. 59, 217; Ед.хр. 820. Л. 70-73; Ед.хр. 981. Л. 20; Ед.хр. 679. Л. 28; Ед.хр. 692. Л. 85-86.
- 29 См.: *Бурлацкий Ф.* Вожди и советники. М., 1988. С. 29.
- 30 Рабочая трибуна. 1991. 18 дек.